

Согласно некоторым теориям само слова Берсеркер было связано с именем Беовульф, возможно даже происходя из него.

Иными словами соответствие Беовульфа классу Берсеркера было, фактически, абсолютным.

Как и многие герои своего времени и своего народа Беовульф завоевал себе славу за свою силу в бою и за свой характер, никогда не чуравшийся битв, а наоборот, стремившийся к достойному сражению. Такова была его натура.

Если встретил сильного Героя - сразись с ним. Не столь важно, кто будет победителем, а кто проигравшим, как бы не закончилась драка с иным Слугой Беовульф достойно бы принял как победу, так и поражение - и если бы условия позволяли - пригласил бы своего недавнего противника на большое празднование в честь их состоявшегося боя.

С монстрами, однако, все было не так просто.

Нет, Беовульф был бы рад проверить свою силу против какого-нибудь чудовища - дракон, гигант или мантикора, без разницы - но принять достойно поражение он бы не сумел. И получив победу над чудовищем не предложил бы тому праздник - а прирезал бы чудовище на месте. Просто потому, что такова была его личность - как берсерк он потерял некоторые черты, присущие рациональным людям, но не потерял своего базового понимания, умения отличать "своих" от "чужих". Наоборот, подтачиваемая его боевой яростью и инстинктами личность умела определять эту разницу даже лучше, чем у иных "здравомыслящих" людей.

И потому Беовульф понимал, что противница перед ним не была человеком. В этом случае ее рост или рога были лишь малыми чертами - встретившись с легендарным минотавром те же черты не заставили бы его воспринять Астерия в качестве чудовища. Нет, внутри Беовульфа стояло четкое понимание - на уровне его инстинктов как Слуги, Берсеркера, Убийцы чудовищ - что стоящая перед ним была чудовищем.

Из той же когорты, что и Грендель, или его мать, или даже дракон, что он убил в конце своей жизни - но... Несоизмеримо могущественнее.

Беовульф мог почуять, что цель перед ним выбивалась из ряда всех знакомых ему целей и...

И именно это заставляло Беовульфа улыбаться несмотря на то, что лишь один удар его противницы пробил его тело и сломал как минимум десяток костей в его теле.

Его навык, Продолжение Битвы, позволял ему сражаться несмотря на любые увечья и любой полученный урон, до тех пор, пока его тело не будет стерто в порошок.

Гарантировало ли это ему выживание? Нет. Фактически, Беовульф уже был мертв, каким бы ни был исход этого сражения - он лишь мог оттянуть момент своей смерти, не отменить его.

Но важно было лишь то, что его навык давал ему самое главное в текущей ситуации - время.

-Хрунтинг, Нэглинг,- Беовульф не стал играть в игры, мгновенно использовав имена своих мечей, своих Благородных Фантазмов.

Хрунтинг, его витой клинок, всегда наносящий самый идеальный удар, что становится сильнее с каждой каплей крови, пролитой врагом и выпитой клинком. Нэглинг - его второй клинок, похожий на огромную дубину - клинок созданный исключительно для нанесения урона.

Спустя мгновение Беовульф бросился на свою противницу - после чего один его клинок мгновенно нашел самую идеальную позицию для своего удара, принимая во внимание любое возможное действие, любую возможную попытку защититься и контратаковать его противницы. Второй же клинок нанес размашистый удар со стороны, не столь изящно, но крайне сильно.

Ангрбода же не стала смещаться со своего места, лишь продолжая смотреть на приближающуюся фигуру Беовульфа.

Та не выставила рук для защиты своего тела и не стала уклоняться, просто позволяя Беовульфу бить со всей своей силы.

Спустя еще мгновение Хрунтинг врезался в тело Ангрбоды с одной стороны, и Нэглинг с другой. Удар Нэглинга был таковым, что казалось, будто бы взрывная волна ударила в направлении его движения - но промелькнувшее было на мгновение удовлетворение Беовульфа на следующее мгновение сменилось растерянностью.

Оба клинка Беовульфа врезались в тело Ангрбоды - но та, казалось, даже не сдвинулась со своего места. Оба клинка врезались в ее тело, неспособный даже сдвинуть с ее места и, казалось, вовсе не нанеся никакого урона.

Мгновение спустя Ангрбода медленно подняла руки, заставив Беовульфа отскочить обратно,- Ты и правда думал, что этого будет достаточно?

В глазах Ангрбоды плескалась только злая ухмылка.

Брахмастра в легенде Карны было оружием, дарованным ему брахманом Парашурамой, что в иных случаях, стоило бы Карне быть призванным в классе Арчера, стало бы его луком и стрелой.

Однако призванный в качестве Лансера, Карна обрел иную форму Брахмастры.

Словно бы обретшая форму солнечного луча, часть мантии его отца, Сурьи, его сила пробилась сквозь его взгляд, принося его врагу уничтожение, как то приносит для тьмы луч Солнца...

Иными словами, это был выстрел лазером из глаз. Да, Карна обладал и такой способностью.

Стрела из лука Арджуны, нацеленная в его сердце, покрытой золотой броней, оказалась мгновенно сбита - как и несколько иных стрел, отправленных вслед за ней, прежде чем лазерный луч ударил в то место, где Арджуна находился еще мгновение назад.

Арджуна же бросился в сторону еще в то мгновение, когда ему удалось увидеть золотое мерцание в глазах Карны - хотя тот и был равен своему брату в бою - чудесной броней, способной выдержать попадание любой атаки тот не обладал. В конце концов, Арджуна был Арчером - в отличии от Карны ему сближение со своим противником было совершенно невыгодно.

А потому, сделав еще один выстрел в Карну - казалось бы, даже не глядя на того, но благодаря своим навыкам способный ударить в любую точку тела Карны - прежде чем броситься прочь.

Карне же не оставалось ничего иного, кроме как броситься вслед за ним.

Скорость обеих братьев, как и многое в иных способностях, была равной - и потому спустя всего несколько секунд Карне стало понятно, что догнать просто так Арджуну у того не выйдет...

Единственным, что мог предпринять он сам - были только его способности.

Однако, как удачно, что его способности несколько совпадали со способностями Короля Англии.

Спустя еще мгновение мана, выброшенная телом Карны, мгновенно обратилась сперва во вспышку - после чего ударила потоком ревающего огня, выбрасывая того вперед.

И хотя рентгеновским зрением он не обладал, в дополнение к своей неуязвимости и лазерным лучам из глаз, летать ему манавзрыв все же позволял.

Ранить Нобунагу Скатах могла в теории - но не могла на практике. Хотя ее копье и могло игнорировать даже непреодолимую для многих иных Слуг нематериальность Нобунаги - это значило мало в том случае, если Нобунага могла буквально исчезнуть из-под удара Скатах в последнюю секунду, появляясь в месте всего в считанных сантиметрах от нее - и встречая Скатах огнем сотен созданных за мгновение из ниоткуда стволов.

Выбор скатах в таком случае был не велик. Она могла продолжать сражаться текущими методами, надеясь на удачу - но на удачу та полагалась меньше всего.

Или она могла радикально изменить тактику.

Все же, хотя и Скатах была одной из самых могущественных Слуг - настолько могущественных, что само ее существование в Троне Героев было результатом большой случайности и уникальности сложившихся условий, но даже так она не была всемогущей и не могла сражаться бесконечно.

Тем более с таким противником, что требовал от нее сосредоточения всех ее сил - а Нобунага все же этого требовала.

Поэтому, мгновение спустя после того, как Скатах уклонилась от еще одной череды залпов из возникших из ниоткуда рядов мушкетов - та развернулась на мгновение,- Врата Скай.

Не существовало никакой возможности для Томаса Эдисона победить Кухулина Альтер. Да, Эдисон демонстрировал невероятную живучесть для своего класса Кастера, но для победы над одним из самых сильных Слуг, существующих в чертогах Трона Героев, и, вероятно, сильнейшей версии легендарного Кухулина, этого было недостаточно. Томас Эдисон мог выдержать пять, десять или пятнадцать ударов, но когда-нибудь очередной удар Кухулина Альтер бы его точно нагнал и ударил бы - в голову или в сердце, прекращая отчаянные попытки Томаса Эдисона выжить.

Кухулину Альтер до этого, впрочем, не было никакого дела - тот продолжал бить, и бить еще раз, и бить вновь, до тех пор, пока его цель не перестанет двигаться.

Однако разум Кухулина не получал от этого сражения никакого удовольствия, лишь

продолжая бить механически.

Не то, чтобы Эдисону от этого осознания было каким-либо образом лучше.

Однако в разуме самого Кухулина все же существовало нечто очень отдаленно похожее на какую-либо систему ценностей и стремлений.

В данном случае разум Кухулина же твердил ему, что Эдисон перед ним отвлекал его от возможности встретиться в бою с более значимой целью. Фактически, тот отвлекал его от реализации его единственной функции - сражаться, поскольку сражение с Эдисоном вовсе не являлось настоящим сражением.

Спустя мгновение покрытое шипами красное копьё в руках Кухулина Альтер оказалось перехвачено его рукой,- Гае Болг.

Эдисон услышал произнесение имени Благородного Фантазма Кухулина мгновенно.

Копьё Гае Болг, что никогда не знает промаха. Копьё, что всегда пробивает сердце своей цели, неважно где находится копьё и где находится цель.

Это происходит потому, что сама суть этого Благородного Фантазма состоит не в копьё, а в самом факте "копья, что бьет без промаха". Иными словами действие этого благородного фантазма нарушало саму причинно-следственную связь, изначально создавая эффект - "было проткнуто сердце", и лишь затем подгоняя причину под него - "был нанесен удар копьём".

У Эдисона не было даже секунды на размышления и потому он совершил единственное, что мог совершить, не желая умирать так просто. Он использовал свою единственную - но ох, столь сильную козырную карту. Он применил Благородный Фантазм,- Доминация Мировой Веры!

Брахмастра было не именем собственным - или точнее, не именем данным только одному оружию, а именем, данным группе оружий - оружию, созданному Лордом Брахмой.

Одним таковым обладал Карна, сын бога солнца, Сурьи. Еще одним обладал Рама.

Брахмастра Рамы представляла из себя стрелу, что была привнесена в этот мир с самим его рождением для того, чтобы уничтожить демонического короля Равану - однако по причине его призыва в качестве Слуги эта стрела была изменена.

В конце концов, Рама и Сита желали воссоединиться - какая бы цена не была заплачена за это - но Сита не могла быть призванной в качестве Слуги.

И потому Рама пожертвовал частью своих сил ради нее - но даже так сила Рамы не была бесконечной. Все, что он мог даровать Сите - это развить ее изначальную, пусть и небольшую, склонность к классу Арчера как единственной, кто смог поднять легендарный лук - до самого Рамы, конечно же - но не даровать ей возможности быть призванной в качестве Кастера или Берсеркера. Даже легендарный король Рама просто не мог даровать той достаточную легендарную основу для того, чтобы та была призвана в ином классе.

И потому сам Рама пожертвовал своей квалификацией для этого класса, чтобы позволить Сите быть призванной в качестве Арчера. Сам же он избрал для призыва класс Сейбера... И в таком случае ему, что весьма очевидно, требовался клинок для призыва. И ныне была вовсе не нужна

его стрела.

Иными словами при своем призыве Рама, фактически, перековал свою стрелу в клинок... Но к потере силы его Благородного Фантазма это не привело.

Его стрела, изначально нужная для того, чтобы уничтожить демонического короля Равану, что угрожал всей Индии и всему миру, заключала в себе изначально огромную силу. Брахмастра, оружие созданное Брахмой, обладающей силой громовержца, все также несло гибель своим противникам - будь даже оно и в форме меча.

Тесла, как человек образованный во множестве областей, безусловно, знал это - как знал и то, что его предыдущие трюки с металлом не смогут помешать Благородному Фантазму Рамы, воплощающим в себе столь могущественное оружие.

Спустя мгновение Тесла произнес,- Система Керанос.

Однако еще мгновение спустя до его ушей донесся голос Эдисона и Тесла чуть ухмыльнулся,- И ты, оказывается, на что-то бываешь полезен...

После чего, без всяких проблем, тот развернулся спиной к Раме, направляя свой Благородный Фантазм совсем на иную цель.

Мелькание магических кукол, лучей, заклятий, копий, клинков - все слилось в единую неразличимую какофонию звуков и цветов, продолжая бить по ушам Арчера.

Находиться посреди поля боя, наслаждаясь мельканиями клинков и заклятия - вот, что Арчер... Никогда бы не хотел познать.

Но у реальности на его судьбу были свои планы, с его восприятием собственного идеального времяпрепровождения не совпадавшие, а потому ему, помимо собственного желания, пришлось уйти в сторону, стараясь не получать пулю, лезвие, лазер, огонь или еще десяток других возможных вещей со стороны противника, не забывая периодически, едва ли не вслепую, отстреливаться в сторону противника. Кто побеждал в данный момент, а кто проигрывал - у него не было никакого понимания.

Понимания у Арчера было лишь в том, что его небольшой наручный арбалет в текущей ситуации служил по большей части исключительно отвлечением.

Даже остановившись на секунду и прицелившись для меткого выстрела в остановившегося высокого индейца - тот увидел лишь то, как его вылетевшая в сторону Кастера стрела оказалась перебита пулей Арчера с другой стороны, после чего вторая пуля чуть было не оказалась в голове самого Арчера, экстренно ушедшего от атаки, скрывшись своим плащом.

Невидимость это Арчеру дало - но для Блаватской, на плечах Баньян просто бомбардирующей всю местность десятком заклятий, вид каждого из которых заставлял Медею скрежетать зубами, что было слышно даже в какофонии боя, этого не значило ничего. Какая разница, где находится невидимая цель, если она может просто беспорядочно бить везде вокруг?

А ведь Арчер был на одной стороне с Блаватской! Это все была какая-то чудовищная ошибка, но не то, чтобы он сейчас мог броситься к своей союзнице, которая была сейчас его противницей, с криками, объясняя сложившуюся ситуацию - Арчер просто спасал свою жизнь.

Ну а тот факт, что прямо сейчас его защищала вроде как противница, девушка в рыцарских доспехах, от его союзницы, Ситы, явно стремившейся похоронить вообще всех сражающихся ради шанса попасть к своему мужу... Да, определенно, это спутывало карты Арчеру еще больше.

И Сита, судя по всему, вовсе не собиралась останавливаться - наоборот, отбросив все возможные ограничители, та продолжала стрелять, с явным намерением похоронить всех под защитой фантомных стен Камелота.

Любовь это страшная сила... Арчер никогда не задумывался о том, насколько же на самом деле неоднозначным было это утверждение.

Однако пока Арчер, выхватив мгновение для передышки, задумался об особенностях поведения влюбленных тысячелетних Слуг - Медея, что была одной из немногих способных анализировать ситуацию в реальном времени и даже в полном хаосе сражения, не позволяла себе отвлекаться, посылая заклятие за заклятием.

Машу держала свой щит, не позволяя Сите закончить сражение за одно мгновение, как та это пыталась сделать - это хорошо. В битве на истощение против запасов маны Аинза у Ситы шансов не было.

Сейбер и два Лансера на ее стороне продолжали держаться против Нероны, Флоренс и еще одного Лансера, выскочившего как черт из табакерки... Хотя о его присутствии Медея знала до этого, видеть его среди противников все равно было неприятно - но все же ожидаемо. Однако медленно ее силам удавалось теснить противника... Но не с сокрушительным успехом, который Медее бы хотелось увидеть в случае сражения.

К тому же Арчер на ее стороне отвлекал Арчера на стороне противника, а Кастер противника - индеец - не мог полноценно совладать с ее магией, так что за это направление Медея могла не переживать слишком сильно.

Удар, пославший колебания по земле, и заставивший Медею прошептать слово, мгновенно поднявшее ее чуть в воздух - после чего второе, сбившее целую волну механических кукол, направленных в ее сторону - заставило Медею нахмуриться.

Баньян на время была выведена из сражения - ее присутствие могло обернуться катастрофой, просто из-за ее катастрофических размеров.

Но Медб и Кухулину удалось отвлечь ее на время...

Проблему представляла из себя только Блаватская, вольготно чувствовавшая себя на плечах Баньян, посылая одно заклятие за другим...

И все заклятия Блаватской представляли из себя просто бред, формулы, которые буквально не могли работать - они были составлены с такими ошибками, что за них любой школьник, только постигающий азы магического ремесла, должен был получить как минимум десять плетей! Но они работали - и это сводило Медею с ума!

А еще, безотносительно академической идиотии заклятий Блаватской - по какой-то совершенно чудовищной ошибке природе ее магия работала - и сильно сковывала действия других Слуг, вынужденных танцевать на поле боя, боясь попасть под очередную порцию взрывающихся кукол, лазерных лучей или чего-нибудь еще, на что была способна совершенно ненаправленная, но все еще могущественная магия Блаватской.

Кухулин и Медб были значительной силой - но вытеснить Блаватскую с плеч Баньян им было не под силу.

Медея могла бы попробовать сделать это - но тогда ей пришлось бы отвлечься от другого Кастера на стороне противника - иными словами ситуация была достаточно отрицательной, какой бы путь ей было не избрать.

И, конечно же, не стоило забывать о Благородных Фантазмах - имена и способности всех Слуг, присутствующих в сражении та знала, как и то, что все они могли неприятно поколебать чашу весов еще больше - а Медея не могла сказать, что ситуация так уж идеально была расположена к ней.

А значит все, что оставалось делать Медее - это разыграть свои немногочисленные козыри так хорошо, чтобы выиграть даже текущую непростую ситуацию...

Хах, прислушавшись к себе, Медея только заломила одну бровь.

Возможно она слишком много вспоминала Ясона в последнее время.

-Арчер,- Медея бросила взгляд на Арчера в зеленом плаще рядом с собой,- Сейчас самое время для твоего Благородного Фантазма.

-Нет, тогда здесь перетравятся все Слуги сразу,- Арчер ответил быстрее, чем смог осознать,- Погоди, откуда ты...

-Действуй,- Медея только бросила взгляд на него, немного ухмыльнувшись,- Робин Гуд.

Робин только бросил взгляд на Медею,- Технически, я не совсем Робин... Но, какая уже разница - Тисовый лук!

Спустя мгновение Робин выстрелил со своего небольшого наручного арбалета - вовсе не подходящего для истории легендарного лучника и благородного разбойника - болт, что в мгновение полета превратился в размытую сияющую каплю - прежде чем врезаться в клинок Нероны, мгновенно отбившей выстрел.

-Робин из Локсли!- Нерона, даже посреди боя, нашла время для того, чтобы бросить Робину улыбку,- Прошу прощения, что не признала раньше ~ уму!

Однако отбитый выстрел, вместо того, чтобы окончить свое печальное существование в качестве Благородного Фантазма, лишь опал на землю - после чего, лишь одно мгновение спустя, радостная улыбка Нероны вдруг сменилась растерянной гримасой,- Что-то мне не ~ уму...

Спустя же еще мгновение из земли ударило множество корней, вовсе не подчиняясь ни законам живой природы, ни даже физики, прорастая в считанные мгновения из-под земли.

Для Лансеров или даже Флоренс это не стало особенной проблемой - несмотря на неестественность побегов поспеть за быстрыми движениями Слуг те не могли - однако Нерона, попытавшаяся было вскочить с места, неожиданно запнулась о свои ноги, мгновенно показывая, что попадание стрелы Робина не прошло бесследно - прежде чем корни, так и не достигшие своей цели, в мгновение словно бы пожухли и скрючились, отчего по земле от них словно бы заструились змеи ядовито-зеленого цвета - намного быстрее даже самих Слуг. Казалось, будто бы корни деревьев, ударившие из-под земли, отдали в одно мгновение всю

свою жизнь земле - но вовсе не в радостном ключе.

Спустя еще мгновение все Слуги вокруг единовременно почувствовали подкатившую к горлу тошноту, а затем и недомогание, перешедшее в головокружение.

Робин не шутил, говоря, что все находящиеся вокруг Слуги отравятся - он же был Робин Гудом. Легендарным разбойником, известным не за его благородные рыцарские турниры, а за его использование Шервудского леса и за то, как лишь с небольшой кучкой разбойников он умудрялся сражаться с целой армией.

Иными словами более всего Робин смыслил в том, как необходимо было использовать на пользу себе лес, и как сражаться с армией противника, даже не видя ее. И неслучайно он был похоронен у корней тисового дерева.

Робин Гуд не сказал бы, что он хорошо разбирался в биологии или ботанике, но о ядовитости тиса он мог рассказать из первых рук.

И поэтому его Благородный Фантазм воплощал в себе именно эти черты - разбойник, лес, яд.

Однако применять его без контроля было самоубийственно - хотя изначально этот Благородный Фантазм и был рассчитан лишь на одного человека - это не значило, что он не мог использовать его против многих сразу, не сосредотачивая яд на одной цели, а пропитывая им саму почву, территорию. Однако контролировать этот процесс Робин не мог - и потому решение Медеи использовать его Благородный Фантазм в гуще сражения было практически самоубийственным...

Было бы, если бы Медея не имела информации о других Слугах.

-ЯД?!- голос Берсерка в красном камзоле разнесся громче топота Баньян,- БОЛЕЗНЬ И НЕДОМОГАНИЕ?! ТОЛЬКО НЕ НА МОЕМ ПОСТУ! КЛЯТВА НАЙТИНГЕЙЛ!

Кто мог быть настолько помешан на медицине, кроме как Флоренс Найтингейл?

Создательница современного института медицинских сестер, Флоренс оставалась железной и непреклонной леди даже при своей жизни, всегда стремясь быть совершенной медсестрой - не было ничего необычного в том, что после становления Слугой она стала именно Берсеркером - безумной медсестрой, ставящей перед собой высшей целью спасения пациента. Даже если для этого, парадоксальным образом, пациента стоит убить - если она не могла спасти тело и разум - по крайней мере она еще могла спасти душу своего пациента.

И ее Благородный Фантазм, что спустя мгновение обрел словно бы из слов весомость, обращаясь в возвышающуюся фигуру белоснежного ангела, облаченного в докторские одежды, отражал именно этот факт.

Фактически, это было заявлением Флоренс о своей позиции миру.

"Это больше не поле боя и находящиеся здесь не воины. Отныне эта территория объявлена госпиталем, а все находящиеся здесь лишь пациенты в моих руках. Никаких сражений в госпитале быть не может - только покой и лечение."

Иными словами это был совершенный Благородный Фантазм успокоения.

После активации его имени вокруг Найтингейл просто не могло быть болезни, боли и насилия.

Ни в какой форме.

Все, что может взрываться - больше не взрывается. Что может резать - не режет. Что может стрелять - не стреляет.

Это не было ограничено только оружием.

Заклятия, направленные на причинение вреда, больше не могут работать. Благородные Фантазмы больше не могут ранить. Трюки больше не могут обмануть.

Это было совершенной формой успокоения мира и сражающихся...

Но...

Медея, как никто иная знала, что "покой" был лишь иллюзией.

И потому еще до того, как Благородный Фантазм Флоренс вошел в силу и белоснежный ангел появился за ее спиной - в тело ангела врезался снаряд.

Небольшой кривой клинок Медеи, Разрушитель Иллюзий, способный уничтожить любую магию, любой контракт, и даже Благородный Фантазм, если тот являлся лишь иллюзией настоящего чуда.

Благородный Фантазм самой Медеи.

И потому, покачнувшись, еще не успев сформироваться полностью, белоснежный ангел Флоренс мгновенно рухнул, обращаясь в белоснежные осколки, оставляя Флоренс один на один с иными Слугами.

Да, яд Робина уже был нейтрализован - но Медее удалось вывести из игры, возможно, самый опасный из Благородных Фантазмов противника.

А потому оставался лишь один вопрос... Кто будет следующим?

<http://tl.rulate.ru/book/74423/2560145>